

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЕН-ЖЮСТА

ТРАКТАТ «О ПРИРОДЕ, ГРАЖДАНСКОМ СОСТОЯНИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЕ, ИЛИ ПРАВИЛА НЕЗАВИСИМОСТИ УПРАВЛЕНИЯ»

Т. А. Черновверская

Имя Луи Антуана Сен-Жюста неотделимо в сознании людей от высшего этапа Великой французской революции якобинской революционно-демократической диктатуры, и связывается в первую очередь с успешными, победоносными миссиями в Рейнскую и в Северную армию, а также с вантозскими декретами. Являясь вершиной социального законодательства якобинцев, декреты эти так и не были проведены в жизнь. И в связи с этим возникает вопрос, с которым теснейшим образом связана проблема социальной природы якобинской диктатуры, — вопрос о том, были ли вантозские декреты действительно программой дальнейшего развития революции, расширения ее социальной базы или лишь тактическим маневром, призванным привлечь на сторону революционного правительства симпатии масс и нейтрализовать влияние крайне левых. Ответ на него не может быть однозначным, хотя бы потому, что не было единства мнений по этому вопросу в самом революционном правительстве, провозгласившем эти декреты. Но один из аспектов этого ответа непосредственно связан с изучением социально-экономических и политических взглядов Сен-Жюста, с изучением формирования и развития его общественного идеала. При этом важно понять, когда, в каких условиях начал складываться этот идеал, кто и что оказало на него влияние, и здесь анализ сочинения «О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления» имеет громадное значение.

Источники¹, позволяющие изучать эволюцию мировоззрения Сен-Жюста, можно условно разделить на три группы: прежде всего это сочинения теоретического характера — «Дух Революции и Конституции во Франции», написанное в конце 1790 г., «Республиканские учреждения», создававшееся в последние месяцы якобинской диктатуры и впервые опубликованное в 1800 г., и, наконец, «О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления», введенное в научный оборот лишь в 1951 г. Два последние, во-первых, ставят перед исследователем деликатную проблему датировки, а, во-вторых, поскольку представляют собой одно фрагментарную,

¹ Подробную библиографию сочинений Сен-Жюста см.: Gross J. P. L'oeuvre de Saint-Just: Essai de bibliographie critique // Actes du colloque Saint-Just. P., 1968. P. 345—363.

другое — незавершенную работу, то неизбежно и не лучшим образом отражают мысль автора. В то же время требования текущей политики отразились в них в меньшей степени, чем в документах двух последующих групп.

Вторую группу источников составляют речи и доклады Сен-Жюста, произнесенные преимущественно с трибуны Конвента. В них представления автора об общественном идеале приходят во взаимодействие, а возможно, и в противоречие с политическими требованиями текущего момента². Более того, если в речах ноября 1792 — мая 1793 г. Сен-Жюст говорит от своего имени, высказывает лишь собственное мнение, то впоследствии в докладах от имени Комитета общественного спасения он вынужден считаться еще и с коллективным мнением коллег по Комитету, хотя несомненно, что в принципиальных вопросах он никогда не поступился бы своими убеждениями. В этом отношении большие программные речи Сен-Жюста «О продовольствии» 29 ноября 1792 г. и «О Конституции» 24 апреля 1793 г. в известной мере близки к сочинениям первой группы, а доклады более позднего времени — к источникам третьей группы, которую составляют постановления, приказы, служебная переписка. Документы этой последней группы можно также разделить на две подгруппы: деловые документы Комитета общественного спасения, подписанные Сен-Жюстом преимущественно совместно с его коллегами и отражающие главным образом сферу его деятельности в Комитете; и деловые документы правительственных командировок-миссий в Рейнскую и в Северную армию, также, как правило, подписанные им совместно с кем-нибудь из коллег, но, поскольку во время этих миссий роль Сен-Жюста как члена правительственного Комитета, а также в силу его личных качеств была ведущей, применительно к этим документам можно говорить о попытке частичного осуществления общественного идеала в экстремальных условиях прифронтовых департаментов.

Очевидно, что простое сопоставление текстов, принадлежащих к различным группам, изучение их в хронологической последовательности, не может быть плодотворным. Тем не менее представляется возможным попытаться определить место сочинения «О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления» в процессе формирования и эволюции мировоззрения Сен-Жюста.

Сочинение это, как было сказано, вошло в научный оборот сравнительно недавно³ и поэтому не имеет пока устойчивой тра-

² Гребуют, например, специального анализа причины поворота к либерализации экономики, к поддержке промышленников и торговцев в докладе 26 жерминаля.

³ *Soboul A. Un manuscrit inedit de Saint-Just. De la Nature, de l'Etat civil, de la Cité ou les Regles de l'indépendance du Gouvernement // AHRF. 1951. P. 321 — 359 (далее: De la Nature...).* Через год оно было опубликовано во франко-итальянском издании: *Saint-Just L. Frammenti sulle Istituzioni repubblicane. Torino, 1952.* При этом А. Собуль воспроизвел лишь весьма немногие фрагменты

диции интерпретации: можно назвать лишь статью М. Абансура, специально посвященную его анализу⁴. Однако в ней, во-первых, рассматриваются преимущественно философско-политические аспекты этого сочинения, а во-вторых, не со всеми выводами Абансура можно полностью согласиться.

Среди историков наибольшие разногласия вызывает датировка этой рукописи, которая осложняется особенностями творческого процесса Сен-Жюста, тем, что мысль его постоянно возвращалась к одним и тем же проблемам, выражаясь в формулировках, текстуально очень близких друг к другу. В связи с этим просто текстологический анализ этого сочинения дает довольно широкий спектр датировок. Так, А. Собуль при первой публикации отнес его к осени 1792 — весне 1793 г. на основании близости ряда положений с текстом речи «О Конституции» 24 апреля 1793 г.⁵ А. Оливье считает, что оно предшествует «Духу Революции», опубликованному в начале 1791 г. Тот же А. Оливье указал на отсутствие связи текста с конкретными историческими событиями революции⁶. Однако М. Абансуру удалось в ряде случаев установить такую связь и, учитывая наряду с этим внешний вид рукописи, сделать вывод, что в том виде, в котором оно дошло до нас, это сочинение было отредактировано летом — в начале осени 1792 г., т. е. накануне и непосредственно после падения монархии и созыва Национального Конвента. Как и предполагал А. Собуль, это сочинение является промежуточным между «Духом Революции» и «Республиканскими учреждениями»⁷. Последняя датировка представляется наиболее убедительной. Она признается и лучшим в настоящее время знатоком политической деятельности Сен-Жюста Ж. П. Гросом⁸.

Сочинение «О Природе, Гражданском состоянии...» представляет собой своего рода философско-политический трактат, оставшийся незавершенным. Трактат этот позволяет уточнить наше представление о системе социально-экономических и социально-политических взглядов Сен-Жюста, об их связи как с философией XVIII в., так и с окружавшей его реальной жизнью.

Как и большинство его современников, Сен-Жюст придерживается теории естественного права, согласно которой общество

текста, зачеркнутые Сен-Жюстом. Значительно больше таких фрагментов, но все же только «наиболее важные», «за неимением места» (Р. 138), привел в своем издании Д. Лиенар: *Saint-Just L. A. Theorie politique* / Ed. A. Lienard. P., 1976. P. 139-180. Наконец, практически все варианты редакции воспроизвел М. Дюваль: *Saint-Just L. A. Oeuvres completes* / Ed. M. Duval. P., 1984. P. 921-957. Последняя публикация не только позволяет проникнуть в творческую лабораторию Сен-Жюста, но и в ряде случаев более точно проследить связь его мысли с современной ему политической философией.

⁴ *Abensour M. La philosophie politique de Saint-Just: Problematique et cadres sociaux* // ANRF. 1966. P. 1-32, 341-358.

⁵ *Soboul A. Un manuscrit inedit...* P. 324.

⁶ *Ollivier A. Saint-Just et la force des choses*. P., 1966. P. 672, 673.

⁷ *Abensour M. Op. cit.* P. 2.

⁸ *Gross J. P. Op. cit.* P. 347.

и государство должны соответствовать природе человека, т. е. тем его качествам, которые не зависят от социальных условий.

Как известно, теория эта зародилась еще в античную эпоху, но не представляла собою единого учения. В XVII — XVIII вв. к ней обращались и защитники старого феодального порядка, отождествлявшие естественное право с правом божественным, и идеологи нового, буржуазного общества, опиравшиеся на нее для обоснования его «естественности» и «разумности», и противники любого социального и имущественного неравенства, видевшие в естественном состоянии человека свой идеал. При этом нередко случалось, что из сходных представлений о характере естественного состояния, — а они могли быть как реально-историческими, так и абстрактно-теоретическими, — делались прямо противоположные выводы, и, напротив, аналогичные выводы делались из противоположных представлений о естественном состоянии.

Наиболее распространенными в XVIII в. был соответствующий принципу буржуазного индивидуализма взгляд на естественное состояние как на состояние дообщественное, когда отсутствовали какие-либо связи между людьми. Общество же и государство являются результатом общественного договора. Однако если Гоббс, например, представляет себе естественное состояние как войну всех против всех, преодолеть которую может «современный Левиафан» государство, и следовательно, любая власть, обладающая реальной силой, законна, то Руссо (как и Монтескье) видит в естественном состоянии лишь совокупность изолированных друг от друга индивидуумов. Причем у Монтескье и у Руссо не во всем совпадают представления о причинах и путях перехода от дообщественного состояния к гражданскому обществу, и если Монтескье делает из этой теории умеренно-либеральные выводы, то теория общественного договора Руссо стала основой мелко-буржуазного радикализма.

Несколько меньшее распространение имели представления об изначальности, первичности общества либо о естественном пути его возникновения. В этом варианте теории существенные изменения претерпевают функции общественного договора — вплоть до признания его бесполезности. Такие представления как будто не противоречат и устройству феодального общества с его сословиями, корпорациями и другими общественными группами, вне принадлежности к которым было немыслимо само существование человека в средние века. И действительно, мы находим, например, у Пуфендорфа, оправдание на основании этой теории не только абсолютизма, но и худшей из форм феодальной зависимости — крепостного права. Но на сходное представление о естественном состоянии опирается и учение стоявшей у истоков классической политической экономии школы физиократов. Причем изначальность общественного состояния не только не противоречит у них крайнему индивидуализму, но и служит, благодаря признанию частной собственности, определяющим естественным правом, обоснованием социального неравенства и капиталистической

эксплуатации. И это же признание естественности общественного состояния, не знающего неравенства и частной собственности, лежит в основе коммунистического общественного идеала Мабли.

В годы революции с подобных позиций выступал один из руководителей «Социального кружка», Клод Фоше, а также близкий к левым якобинцам будущий член Комитета общественного спасения Николя Бийо-Варен⁹.

И если доктриной естественного общества действительно можно оправдать феодализм, если аббат Фоше действительно придает ей религиозный, примирительный оттенок, это еще не дает основания говорить, подобно Роже Барни, о реакционном характере самой доктрины¹⁰.

Сен-Жюст в сочинении «О Природе, Гражданском состоянии...» рассматривает естественное состояние как состояние общественное, считая, что в основе человеческой природы лежат качества социальные¹¹. Он замечает, что даже животные в зависимости от «их разумности и чувствительности» объединяются на более или менее длительное время, и следовательно, «человек, как существо наиболее чувствительное из всех, рожден для непрерывной общественной жизни, поскольку он рожден для владения»¹². Именно общественное состояние обеспечивает независимость каждого внутри общества¹³. Сен-Жюст сам указывает на свое принципиальное несогласие с теорией Гоббса в главе «О естественном человеке, или О первых людях»¹⁴. В другом месте¹⁵ он подчеркивает, что состояние дикости, при котором иде

⁹ Все приведенные имена и варианты теории естественного права не являются ни случайными, ни произвольно выбранными. Сен-Жюст неоднократно упоминает в рассматриваемом сочинении имена Монтескье, Руссо, Гоббса (*De la Nature...* P. 331, 333 etc.), и именно он вопреки мнению самого Руссо поставил его в один ряд с Гоббсом в соответствии с их представлениями о естественном состоянии (*Ibid.* P. 359). В библиотеке Сен-Жюста в Париже (весьма небольшой) имелись «Принципы нравственности» Мабли и «Жизнь Конфуция» физиократа Клерка (*Bapst G. Inventaires des bibliotheques de quatre condammes // Revohition Française, 1891. T. 21. P. 535; Abensour M. Op. cit. P. 343—344*). О теории С. Пюфендорфа как об одном из возможных источников формирования мировоззрения Сен-Жюста пишет М. Абансур (P. 342—343); он же отмечает сходство естественно-правовых представлений Сен-Жюста и Бийо-Варена (P. 27). А. Оливье сближает Сен-Жюста с Фоше, точнее, с «Социальным кружком» (масонские связи). См.: *Ollivier A. Op. cit. P. 116*; см. также: *Dautry J. Saint-Just et l'abbé Fauchet // ANRF. 1951. P. 189 190* (любопытнейший положительный отзыв антиробеспьериста Фоше о Сен-Жюсте).

¹⁰ См.: Барни Р. «Фоше и социальный кружок» // Французский ежегодник, 1982. М., 1984. С. 83-86.

¹¹ *De la Nature...* P. 325, 326, etc.

¹² *Ibid.* P. 327. См. у Мабли. «Соблаговолим рассматривать себя.. существами разумными и чувствительными, которых объединяет разум и чувствительность...» (*Мабли Г. Б. Избр. произведения. М., 1960. С. 189*). Но едва ли он согласился бы с последним утверждением.

¹³ *De la Nature...* P. 327.

¹⁴ *Ibid.* P. 331.

¹⁵ В той части, которая, по-моему, была написана несколько ранее: эти четыре исписанные листа с обратной стороны тетради отделяет пять чистых листов

борьба между изолированными друг от друга индивидами, является вторичным по отношению к естественному состоянию, в то время как Гоббс «берет человека там, где он кончается; он думал, что рисует естественного человека, а нарисовал человека, уже ставшего дикарем». Там же Сен-Жюст пишет, что «Руссо видит человека, как Гоббс.. . Этот великий философ считал, что человек начинается с состояния дикости, а он там кончается»¹⁶, сблизив таким образом Руссо с Гоббсом. Однако, думается, М. Абансур несколько преувеличивает антируссоистскую направленность мысли Сен-Жюста¹⁷, поскольку и Руссо огромное внимание уделял именно социальным качествам человека, хотя и считал их не столько данными от природы, сколько результатом общественного развития¹⁸.

Отмечу, что в отличие от его старшего друга и во многом учителя Максимилиана Робеспьера, для которого Руссо был если и не единственным, то безусловно преобладающим авторитетом в вопросах политической философии, для Сен-Жюста в формировании его мировоззрения не меньшую роль играли и другие политические писатели XVIII в.; и если в «Духе Революции» явственно ощущается влияние Монтескье, то в сочинении «О Природе, Гражданском состоянии...» он как будто пытается найти собственный путь, выработать свою систему взглядов, основываясь на близких ему в некоторых отношениях теориях Руссо и Монтескье, Мабли и школы физиократов. И в понимании естественного состояния Сен-Жюст более близок в это время не к Руссо, а к двум достаточно противоположным в иных отношениях учениям — физиократов¹⁹ и Мабли²⁰, также считавших естественным общественное состояние человека. Невозможно, пожалуй, достоверно определить, кто из них побудил Сен-Жюста пересмотреть прежние его представления о естественном состоянии — ведь в «Духе Революции» он вслед за Монтескье (и Руссо) противопоставлял его общественной системе: «В естественном состоянии мораль ограничивается двумя вопросами, питанием и отдыхом. В общественной системе к ним нужно добавить сохранение», и далее: «Общество есть договор»²¹. Теперь же Сен-Жюст как будто пыта-

от оглавления или, скорее, плана основной работы (Ibid. P. 355—357), поэтому кажется наиболее естественным, что Сен-Жюст использовал начатую тетрадь, перевернув ее, и записал оглавление, чуть отступив от старых записей.

¹⁶ Ibid. P. 359.

¹⁷ Abensour M. Op. cit. P. 22—32.

¹⁸ Подробнее об этом см., напр.: Занадворова Т. Л. Теория Руссо о возвращении к природе // Французский ежегодник, 1979. М., 1981. С. 230—244.

¹⁹ О физиократах см.: Деборин А. М. Социально-политическая доктрина физиократов // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 281—196; Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции. М., 1977. С. 61.

²⁰ О Мабли см.: Сафронов С. С. Политические и социальные идеи Мабли // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 238 — 264; Волгин В. П. Указ. соч. С. 293.

²¹ Saint-Just L. A. L'Esprit de la Revolution et de la Constitution de France. P., 1791. Pt 4, ch. 1. 7.

ется осуществить синтез этих учений. О близости к теории физиократов — на что обратил внимание М. Абансур²² — свидетельствует, в частности, цитировавшееся уже утверждение, что «человек рожден для владения»²³, что в контексте последующих глав означает — для владения землей. Однако еще одна мысль мне кажется близкой к рассуждениям Мабли: «Если люди объединены в общественной жизни, они не стремятся отделиться для защиты своего владения, если они объединены владением, они не стремятся отделиться от общественного организма»²⁴.

Сен-Жюст различает общественное состояние как отношение людей между собою; гражданское состояние как отношение их потребностей; и политическое состояние как отношение между народами²⁵. Лишь политическому состоянию присущи войны и завоевания, вызываемые, по мнению Сен-Жюста, не столько необходимостью прокормить увеличивающееся население, сколько нравами и обычаями, препятствующими обработке земли: «Дух завоевания порождается не нищетой, но леностью и жадностью»²⁶. Перенесение в отношения между людьми основанных на силе отношений между государствами приводит людей в состояние дикости, войны всех против всех, которое, как считает Сен-Жюст, сохраняется и в современном ему цивилизованном обществе²⁷. Произошло это не сразу: «Вначале народы жили без магистратов, они имели только вождей... народ был и государь и суверен. Но когда люди потеряли вкус к собраниям, занявшись торговлей, обработкой земли или завоеванием, власть отделилась от суверена. Так закончилась общественная жизнь и началась жизнь политическая, или соглашение». При переходе от общественного состояния к политическому «было заключено двойное соглашение — граждан между собою и между гражданами и государем, кем бы он ни был, сенатом или королем»²⁸. Но договор граждан между собою не только не нужен, но и вреден, ибо «его целью не является ни создание, ни сохранение общества (существование которого естественно. — Т. Ч.), но его подчинение»²⁹. Договор же граждан и государя Сен-Жюст рассматривает как узурпацию³⁰.

²² *Abensour M. Op. cit.* P. 333-334.

²³ *De la Nature...* P. 327.

²⁴ *Ibid.* P. 337.

²⁵ *Ibid.* P. 327, 340.

²⁶ *Ibid.* P. 328-329.

²⁷ *Ibid.* P. 326, 328.

²⁸ *De la Nature...* P. 332. М. Абансур усматривает в этом понятии о двойном соглашении связь, возможно, не прямую, а опосредованную с идеями Пуфендорфа. См.: *Abensour M. Op. cit.* P. 342—343.

²⁹ *De la Nature...* P. 332.

³⁰ К восприятию руссоистской идеи народного суверенитета Сен-Жюст как будто подошел уже в «Духе Революции»: «Член суверена, я хотел бы понять, свободен ли я и заслуживает ли законодательство моего повиновения», — писал он в предисловии к этой книге. В рассматриваемом же сочинении он, подчеркнув, что «суверенитет народа неделим, непередаваем и неотчуждаем», отмечает, что народ является сувереном как совокупное политическое существо, т. е. лишь

В отличие от политического состояния гражданское состояние Сен-Жюст не противопоставляет столь резко естественному, т. е. общественному, хотя развитие гражданских отношений также, но его мнению, приводит к утрате естественного закона, основанного на равенстве между людьми: «Отношения между людьми, возникающие как результат занятий торговлей, земледелием и промышленностью, делают невозможным управление посредством естественных законов... В результате вовлечения людей в торговлю ценность их начинает определяться ценностью вещей. А поскольку известно, что все вещи не равны по своей цене, люди и вещи начинают смешиваться в общественном мнении, и люди становятся неравными, как неравны вещи»³¹. Таким образом, вслед за Руссо Сен-Жюст связывает появление неравенства между людьми с собственностью.

Представление Сен-Жюста о собственности носит синтетический характер. Подобно физиократам, он выделяет личную собственность, означающую личную свободу, и земельную собственность, точнее — земельное владение: «В общественном состоянии человек является собственником самого себя³² и владельцем своего поля»³³. Подобно же физиократам, он рассматривает право человека на владение землей как право первого, кто эту землю обработал, и его потомков: «Правом первого владельца поля был его плуг, правом его детей — его владение (этим полем. — *Т. Ч.*)»³⁴. Подобно Руссо, Сен-Жюст различает неограниченную собственность и владение, подчиненное определенной регламентации, хотя и понимает их несколько иначе³⁵. Однако в целом его система достаточно своеобразна. Если у Руссо владение соответствует естественному состоянию, собственность — гражданскому, то у Сен-Жюста собственность лежит в основе общественного (т. е. естественного) закона, владение — в основе закона гражданского. При этом Сен-Жюст различает два вида собственности:

во внешних отношениях (Р. 338), но внутри общества каждый сам себе суверен. Вероятно, отсюда — неприятие Сен-Жюстом в тот момент руссоистского представления об общественном договоре как «взаимных обязательствах всего народа и частных лиц», где «каждый индивидуум, вступая, так сказать, в договор с самим собою, оказывается принявшим двоякое обязательство, именно: как член суверена в отношении частных лиц и как член Государства в отношении к суверену» (*Руссо Ж. Ж. Трактаты*. М., 1969. С. 162).

³¹ Ibid.

³² Сен-Жюст вычеркнул здесь слова «и своего промысла». См.: Saint-Just L. A. *Oeuvres complètes* / Ed. M. Duval. P. 940.

³³ *Oeuvres complètes* / Ed. M. Duval. P. 940.

³⁴ *De la Nature*. . . P. 344. Физиократы выделяли право личной собственности как право на удовлетворение естественных потребностей: право движимой собственности как право на вещи, созданные трудом человека; право земельной собственности как право на землю, приведенную в пригодное для земледелия состояние. См.: *Волгин В. П.* Указ. соч. С. 61; Мабли признает лишь первые два вида собственности. См.: Там же. С. 300.

³⁵ *De la Nature*. . . P. 352.

собственность на самого себя, т. е. личную свободу, и территориальную собственность гражданской общины (*cite*), которая складывается из всех индивидуальных владений³⁶. Та и другая неделимы и не подлежат отчуждению, поскольку «суверен никогда не умирает и не может передать свои верховные права (*empire*) ни королю, ни кому-либо другому»³⁷. Отчуждаться может только владение.

Если согласно общественному закону человек является собственником самого себя и владельцем своего поля, то гражданский закон регулирует пользование этой собственностью и этим владением³⁸. Но, поскольку гражданское состояние, являющееся отношением потребностей людей, основывается на пользовании владением, думается, не будет ошибкой связать владение с необходимостью удовлетворять эти потребности. И хотя Сен-Жюст говорит, что «гражданский закон определяет правила этого владения, но он не может ни нарушать его, ни отчуждать», более того, считает, что «богатство не порождает неравенства, равенство не в качестве собственности и владения, а в их безопасности»³⁹, он — всецело в духе времени⁴⁰ — допускает, что общественная необходимость может заставить пожертвовать ненарушаемостью владения, правда, при условии компенсации владельцу. Но Сен-Жюст идет еще дальше: поскольку гражданский закон может регулировать пользование владением, он может и должен в интересах общества установить максимум земельных владений, и никто не имеет права отказать возможному покупателю в продаже имеющегося излишка сверх максимума, «чтобы каждый мог стать владельцем и обрести родину». Поскольку же владение связывает человека с обществом и гражданской общиной, необходимо также установить минимум владения, не подлежащий отчуждению ни при каких обстоятельствах, которым должен обладать каждый⁴¹. «В мудро управляемом государстве слово нищета должно быть неизвестно», — говорит он в другом месте⁴².

Таким образом, уже накануне созыва Конвента общественным идеалом Сен-Жюста было общество более или менее равных мелких

³⁶ Ср.: Руссо в «Общественном договоре» говорит о верховной власти гражданской общины над владениями граждан. См.: Там же. С. 165–167.

³⁷ *De la Nature...* Р. 344. Отмечу, что, отстаивая права Блеранкурской коммуны на возвращение ей отторгнутых сеньорами общинных земель, в ходе процесса, который она вела против сьера Грене, Сен-Жюст в «Мемуаре для жителей Блеранкура» 21 октября 1791 г. почти теми же словами обосновывает эти права, указывая, что «ее (общины, *commune*. Т. Ч.) права ненарушаемы и всегда представлены», что «она не может ни отчуждать, ни терять, она не может сама ничем распоряжаться... Если, таким образом, она не имеет прав на самое себя, у узурпатора еще менее оснований приобрести права на нее» (*Saint-Just L. A. Oeuvres complètes / Ed. Ch. Vellay. P., 1908. T. 1. P. 243–244*).

³⁸ *De la Nature...* Р. 344.

³⁹ *Ibid.* Р. 339, 341.

⁴⁰ См.: Чупрун Н. И. Сен-Жюст и вантозские декреты // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С. 422.

⁴¹ *De la Nature...* Р. 353.

⁴² *Ibid.* Р. 349.

собственников. «Когда общественное состояние основано на независимости, представляется разумным, чтобы гражданское состояние было основано на принципе равенства, дабы общество не выродилось в тиранию»⁴³. Для достижения этого равенства он предлагает путь, традиционный для эгалитарной и коммунистической утопии XVIII в., — ограничение права наследования, которое должно осуществляться только по прямой линии, при полном исключении наследования по боковой линии и при переходе в руки государства имущества тех, кто не имеет прямых наследников⁴⁴. В этой связи отмечу одну особенность, которая, по-моему, отличает Сен-Жюста от большинства его современников: в сфере семейных отношений и прав наследования он признает равные права женщин⁴⁵.

Однако эгалитарный общественный идеал Сен-Жюста был в то время еще очень противоречив. Способы его достижения сводились к такому регулированию права наследования, которое способствовало бы дроблению собственности и новой ее концентрации в одних руках; предусматривалась также возможность приобретения земли из числа излишков сверх максимума владения и охрана его минимума, обеспечивающего удовлетворение потребностей. Но он решительно выступает против каких бы то ни было насильственных мер по отношению к собственности. «Тот, кто имеет меньше, не мог бы потребовать у того, кто имеет больше, потому что владение неприкосновенно, потому что иначе пришлось бы каждый год производить разделы земель, и эти разделы погубили бы их плодородие»⁴⁶.

В ходе развития революции общественный идеал Сен-Жюста углублялся, становился более последовательным и цельным, и в этом огромную роль играл, безусловно, новый социальный опыт, прежде всего — движения и требования городских низов, особенно санкюлотов Парижа. Но истоки его формирования, причины, определившие выбор «учителей», выбор тех философско-политических систем, на основании которых Сен-Жюст строил собственное представление об обществе и государстве, свой общественный идеал, не в последнюю очередь следует искать в той социальной среде сельских районов Пикардии, где прошли его детство и юность, где он сложился как политический мыслитель и революционер. Именно здесь Сен-Жюст увидел, что «там, где есть очень крупные собственники, мы видим лишь бедняков: в областях крупного хозяйства ничего не потребляют»⁴⁷. Ведь в Пикардии с ее плодородными бескрайними равнинами раньше, чем во многих других областях Франции, сложилось крупное фермерское зерновое хозяйство капиталистического типа: в дистрикте Шони ферма Петрон, с ее 95 га, которую арендовал его дед, не только не была

⁴³ Ibid. P. 340.

⁴⁴ Ibid. P. 352.

⁴⁵ Ibid. P. 346—352, главы о «Законах о браке», «О наследовании» и др.

⁴⁶ Ibid. P. 353.

⁴⁷ *Saint-Just L. A. Oeuvres complètes* / Ed. Ch. Vellay. P., 1908. T. 2. P. 513 (Les Institutions Republicaines).

чем-то исключительным, но и значительно уступала расположенным по соседству фермам Каррьер (150 га), Лож (около 200 га) или Луар (более 288 га) ⁴⁸. Мелких крестьянских хозяйств было здесь сравнительно немного. И совершенно иную картину представляли низменные речные долины в бассейне Уазы, в частности в районе Блеранкура, где более трети земель занимали болота, лесистые склоны и прочие неудобья. Крупные фермы в таких районах были редки, их территории не превышали 70—80 га, и от трети до половины обрабатываемой земли занимали мелкие крестьянские хозяйства.

Блеранкур был одной из самых бедных коммун дистрикта, социальные контрасты там были значительно сглажены, крестьянская нужда несколько смягчена сохранявшими свое значение общинными отношениями ⁴⁹.

Анализ сочинения «О Природе, Гражданском состоянии...» позволяет несколько по-новому взглянуть на формирование общественного идеала Сен-Жюста. До публикации этого сочинения мы, ио существу, ничего не знали о развитии его социально-экономических и политических взглядов в 1791 — 1792 гг., отделяющих «Дух Революции» ⁵⁰ от первых речей, произнесенных им в качестве депутата Конвента. Первоначальная датировка сочинения «О Природе, Гражданском состоянии...» (сентябрь 1792 — май 1793 г.), данная А. Собулем, мало что в этом отношении меняла. После уточнения датировки этого сочинения М. Абансуром ⁵¹ можно говорить о том, что эгалитарный общественный идеал в общих чертах сложился у Сен-Жюста не весной 1793 г. или даже еще позже, как принято было думать ⁵², а уже в предконвентский период, хотя едва ли в то время он был чем-то большим, нежели не вполне определенная мечта об очень отдаленном будущем ⁵³. В процессе непосредственной общественной деятельности в общенациональном масштабе происходило постепенное уточнение общественного идеала Сен-Жюста, его радикализация, частичное устранение противоречий, хотя процесс этот и не был доведен до конца, оборванный ранней гибелью. В то же время сама деятельность Сен-Жюста представляет собой как бы еще одну линию этого развития.

⁴⁸ Vinot B. Les origines familiales de Saint-Just et son environnement sociale // ANRF. 1982. N 248. P. 163. Фермой Луар владел Роже Лемуан, кузен Луи-Жана де Сен-Жюста, впоследствии опекун его детей, в том числе и Луи-Антуана.

⁴⁹ Ibid. P. 168-173; Abensour M. Op. cit. P. 350-356.

⁵⁰ Напомним, что в этом произведении, датируемом концом 1790 — началом 1791 г., Сен-Жюст не только не выступал против имущественного неравенства, но и оправдывал цензовую систему избирательного права.

⁵¹ Abensour M. Op. cit. P. 2.

⁵² См., напр.: Чупрун Н. И. Указ. соч. С. 466-467 и др.

⁵³ Несмотря на эту неопределенность, сочинение «О Природе, Гражданском состоянии...» проливает дополнительный свет и на речь «О продовольствии», вторую речь Сен-Жюста в Конвенте, в которой он с исключительным вниманием относится к нуждам крестьян-хлебопроизводителей, — ведь, отстаивая свободу хлебной торговли, Сен-Жюст заботится в первую очередь о них.

Кто-то из историков совершенно справедливо назвал Сен-Жюста одним из самых философских ораторов Конвента, и сочинение «О Природе, Гражданском состоянии...» с наибольшей, пожалуй, полнотой показывает богатство и разнообразие идеологических источников его мировоззрения. Но можно без преувеличения сказать, что он был и одним из наиболее реалистических политиков. Даже если рассматривать только его выступления в Конвенте, нельзя не заметить, что он крайне редко поднимается на трибуну, но почти каждое его выступление становится событием, настолько своевременными оказываются поставленные им проблемы⁵⁴. Он чутко улавливает расстановку сил в стране и в Конвенте, и по мере развития революции, а вместе с нею — и его общественного идеала, выдвигаемые им предложения все больше к этому идеалу приближаются. Кульминацией такого сближения можно считать вантозские декреты, предполагавшие наделить «неимущих патриотов» собственностью за счет имущества врагов революции⁵⁵. Однако последовавшие затем события: «путч» кордельеров вместо ожидаемой поддержки левых, с одной стороны, саботаж, на который наталкивалось проведение в жизнь декретов как в Конвенте, так и в самом правительстве и на местах — с другой, не могли не вызвать известного разочарования Сен-Жюста в возможности скорейшего достижения общественного идеала. И вот в докладе «Об общей полиции» 26 жерминаля он вновь обращает пристальное внимание на непосредственные нужды текущего момента, на требования государственной необходимости, не теряя при этом из виду конечной цели, до последних дней ведя борьбу за осуществление провозглашенной в вантозе программы.

Хорошо сказал об этом А. Собуль: «Сен-Жюст оставался в плену своих противоречий: он слишком хорошо осознавал интересы буржуазии, чтобы неразрывно связать себя с санкюлотами, но слишком внимательно относился к нуждам санкюлотов, чтобы

⁵⁴ С 13 ноября 1792 г. по 9 термидора II года (27 июля 1794) Сен-Жюст лишь около двадцати раз появлялся на трибуне Конвента, но редко кто из историков, пишущих о революции, не упомянет о его роли в суде над Людовиком XVI (речи 13 ноября и 27 декабря 1792 г.) и об обвинительных докладах против жирондистов, эбертистов, дантонистов (8 июля 1793, 23 вантоза и 11 жерминаля II года); с его именем неразрывно связаны важнейшие мероприятия якобинской диктатуры — установление революционного порядка управления, вантозские декреты, создание бюро общей полиции (19 вандемьера, 8 и 13 вантоза, 26 жерминаля) и т. д.

⁵⁵ Заслуживает внимания то, что, выдвигая эти декреты, Сен-Жюст очень точно оценил обстановку момента: с одной стороны, расстановка сил в Комитетах складывалась в пользу левых, и, кроме того, в отсутствие заболевших Робеспьера и Кутона он остался самым влиятельным членом Комитета общественного спасения. С другой стороны, большинство Конвента. «Равнина», было явно напугано активизацией деятельности крайне левых в Париже и готово было вотировать что угодно, лишь бы их успокоить. Но и Сен-Жюст, будучи в это время председателем Конвента, не потребовал слишком многого: текст декретов значительно умереннее и неопределеннее, чем предварявшие их доклады.

завоевать расположение буржуазии»⁵⁶. Трагедия Сен-Жюста в том, что видевшийся ему идеал общества будущего, за который он боролся, все более входил в противоречие не только с существующим положением, но и с теми реальными перспективами развития общества, которые он уже начинал ощущать. И не кроется ли одна из основных причин его загадочного молчания и пассивности 9 термидора в интуитивно осознанной им невозможности изменить направление этого развития? «Робеспьеристы жизнью заплатили за неизбежные противоречия своей политики», — заметил А. Собоуль⁵⁷.

Противоречия были действительно неизбежны, как неизбежно противоречив и их общественный идеал — общество мелких производителей. В. И. Ленин неоднократно указывал на двойственный характер эгалитарной утопии — реакционной, ибо она есть «попытка искать позади, а не впереди решения задач *социалистической* революции», но в то же время и революционной, поскольку она «есть самое полное, последовательное и решительное выражение *буржуазно-демократических* задач» (курсив мой. — Т. Ч.)⁵⁸.

Сила и заслуга Сен-Жюста были именно в том, что в его теоретических построениях, равно как и в его практической деятельности, отразились, по моему мнению, социальные устремления основной части населения Франции — крестьянства. Но эта сила оборачивалась слабостью ввиду противоречивого характера этой социальной базы — крестьянства как класса трудящихся и собственников и вытекающей отсюда противоречивости их устремлений. И в этом была сила и слабость не только самого Сен-Жюста, но и якобинской революционно-демократической диктатуры в целом.

Résumé

Dans son article T. Tchernoverskaia examine le processus de la création de la théorie politique de Saint-Just. A la différence de Robespierre qui restait toujours sous l'emprise de Rousseau, Saint-Just fut fortement influencé par les idées de Montesquieu, des physiocrates, de Mably et d'autres. Toujours est-il que son choix des maîtres et des idées qui servaient de base à sa propre théorie portait souvent empreinte du milieu social des régions rurales de Picardie où il avait passé son enfance et sa jeunesse.

Dans sa polémique avec Rousseau quant au Contrat social et l'état naturel de l'homme Saint-Just se rapproche des physiocrates et de Mably, en ce qui concerne la propriété et la possession et cherche à effectuer la synthèse de ces doctrines.

⁵⁶ Soboul A. Introd. // Saint-Just L. A. Discours et rapports. P., 1977. P. 37, 38. (Характеристика эта, данная первоначально Сен-Жюсту, была впоследствии распространена автором на робеспьеристскую группу в целом. См.: Собоуль А. Первая республика. М., 1974. С. 155—156.)

⁵⁷ Собоуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789 — 1794 гг. и революции 1848 г. во Франции. М., 1980. С. 112.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 225 — 226.

En partant d'idée de suprématie de la propriété de la Cité sur la possession personnelle des citoyens Saint-Just déclare que la Cité a droit de regard sur les rapports liés à propriété foncière afin que tout citoyen possède un minimum indispensable pour subvenir à ses besoins et inaliénable sous aucune condition. Pour combattre une trop grande inégalité Saint-Just prévoit la limitation des droits d'héritage (les femmes ayant les mêmes droits que les hommes) ainsi que l'instauration du maximum foncier. Cela étant, il déclare que «la loi civile peut déterminer les régies de cette possession, mais elle ne peut ni l'altérer ni l'aliéner». Ces idées sont exposées par Saint-Just dans son traité philosophique et politique inachevé «De la Nature, de l'Etat civil, de la Cité ou les Régies de l'indépendance du Gouvernement».

L'auteur de l'article accepte la supposition de M. Abensour quant au moment de la création de cet ouvrage: pas avant le mois de septembre 1791 et le mois d'août 1792 au plus tard, c'est à dire avant la convocation de la Convention.

Ainsi, Saint-Just a-t-il grosso modo conçu son idéal social égalitaire non vers le printemps ou l'automne 1793, comme on le pense généralement, mais avant la Convention, bien qu'à l'époque cela ne pût être plus qu'un rêve obscur d'un avenir lointain. A la période de la Convention, au centre de l'activité immédiate, Saint-Just radicalisait peu à peu ses idées sociales, les mettait au point et cherchait à enlever leurs contradictions.